

Шометт в своих «Мемуарах»¹, собирались в Клубе кордельеров и там проводили целые ночи в совещаниях. Был, между прочим, образован комитет, который соорудил себе красное знамя с надписью: «Народ провозглашает военное положение против бунта двора» (*Loi martiale du peuple contre la revolte de la Cour*). Вокруг этого знамени должны были собираться все свободные люди, все настоящие республиканцы, все те, кто хотел отомстить за друга, за сына, за родственника, убитых 17 июля 1791 г. на Марсовом поле.

Историки революции, отдавая дань своему государственному воспитанию, всегда приписывают Клубу якобинцев почин и подготовку революционных движений в Париже и в провинции, и в течение целых двух поколений мы все думали так, как нас учили. Но теперь, с тех пор как изданы многие новые документы, касающиеся революции, мы знаем, что это совершенно неверно. Почин движений 20 июня и 10 августа вовсе не принадлежал якобинцам. Наоборот, в течение целого года они, даже наиболее революционные из них, были *против* нового обращения к народу. И только тогда, когда они увидели, что народное движение опередило их и сомнет их, они, *и то только часть их*, решились следовать за народом.

Да и то, как робко они это делали! Они не прочь были, чтобы народ вышел на улицу и дал сражение роялистам; но их страшили возможные последствия этого сражения. «А что если народ не удовольствуется свержением королевской власти? Что если он пойдет против богатых вообще, против власть имущих, против спекуляторов, увидавших в революции путь к наживе? Что если народ после Тюильри разгромит и Законодательное собрание? Если Парижская коммуна, если «бешеные», «анархисты» - те, кого так усердно осуждал Робеспьер, если все эти республиканцы, проповедующие «равенство имуществ», возьмут верх?»

Вот почему во всех переговорах, происходивших перед 20 июня, мы видим со стороны известных революционеров самое сильное колебание. Вот почему якобинцы относятся с отвращением к возможности нового народного восстания и следуют за ним только тогда, когда народ победил. Только в июле, когда парижский народ, вопреки всяким конституционным законам, объявил о непрерывности заседаний своих секций и сделал распоряжение о всеобщем вооружении, вынуждая Собрание провозгласить «отечество в опасности», только тогда Робеспьер, Дантон и в самый последний момент жирондисты решились последовать за народом, за революционной Коммуной и заявить о своей большей или меньшей готовности примкнуть к движению.

Понятно, что при таких условиях в движении 20 июня не было ни того увлечения, ни того единства, которое могло бы превратить его в успешное восстание против Тюильрийского дворца. Народ вышел на улицу; но, не будучи уверен в отношении к нему буржуазии, не решился особенно зарываться. Сами секции приняли против этого свои меры. Они как будто хотели нащупать почву, узнать, до каких пределов готовы идти во дворце против народа, а остальное предоставить всем случайностям крупных народных демонстраций. «Выйдет из этого что-нибудь - тем лучше; не выйдет - мы все-таки поглядим вблизи на Тюильри и узнаем, насколько они там сильны».

Так, действительно, и случилось. Демонстрация вышла вполне мирная. Громадная толпа двинулась по улицам под предлогом подачи прошения Собранию; собирались также праздновать годовщину клятвы в *Jeu de Raime* и посадить «дерево свободы» у входа в Собрание. Все улицы, ведущие от Бастилии к Собранию, скоро были буквально запружены народом. Тем временем двор собрал своих приверженцев на площади Карусель, на большом дворе Тюильрийского дворца и в прилегающих улицах. Все ворота дворца были заперты и пушки направлены были на народ; солдатам были розданы патроны; столкновение казалось неизбежным.

Но вид этой все растущей толпы поколебал защитников двора. Внешние ворота были скоро отперты или взломаны; Карусель и дворы дворца наполнились народом. Многие из народа были вооружены пиками, саблями или дубинами, на которые насажен был нож, топор или пила; но люди, принимавшие участие в демонстрации, были тщательно подобраны каждой из секций.

Толпа собиралась уже разбить топорами другие ворота Тюильри, когда Людовик XVI сам велел отпереть их. Тысячи людей сразу наводнили внутренние дворы и самый дворец. Приближенные королевы едва успели втолкнуть ее вместе с ее сыном в одну из зал и там забаррикадировать ее большим столом. В одной из зал народ нашел короля, и она вмиг наполнилась толпой. У короля требовали,

¹ *Memoires de Chaumette sur la Revolution du 10 aoflt 1792, avec introduction et notes par A Aulard. Paris, 1893, p. 13.*